

**Интервью**

**Апробировано на знакомых: стоило мне заговорить о Евгении Герасимове, как тут же следовал уточняющий вопрос, не тот ли это, который играл следователя в "Петровке, 38" и "Огарева, 6"?**  
**Что и требовалось доказать: тот, конечно, тот...**

— Евгений Владимирович, когда я звоню домой народному артисту России, а его жена советует искать мужа по служебному телефону, возникает резонный вопрос: какое место работы может быть у актера, если это не киностудия и не театр?

— Сегодня приходится работать там, где найдешь для себя дело. Из театра я ушел еще в восьмидесятом году, на киностудиях же, как вы знаете, давно уже практически ничего не происходит. Формально я остаюсь художественным руководителем творческого объединения "Талисман" на киностудии имени Горького, но что проку в названии, если кино мы не снимаем? Последние две картины, выпущенные мной на "Талисмане," — "Ричард Львиное Сердце" и "Рыцарь Кензат". После этого я попробовал записаться с 54-новелльным телесериалом "Земля обетованная" по библейским сюжетам, но средств хватило только на двухчасовую пилот...

— Я и спрашиваю: если не кино и театр, то что?

— Круг обязанностей, которые я сам на себя взвалил, достаточно широк. Много времени отнимает общественная нагрузка: я вице-президент Гильдии актеров кино России, секретарь российского и московского кинематографических союзов, член президиума Центрального дома работников искусств. Это не номинальные должности, у меня вполне конкретные обязанности, к выполнению которых я привык относиться серьезно. Активно сотрудничаю с телевидением, снимаю различные программы — и для Российского канала, и для НТВ, и для "Останкино".

— Бытует устойчивое мнение, что творческая личность тогда берется за чужое дело, когда не может реализовать себя в основной профессии.

— Надеюсь, ко мне это ни в коем мере не относится. Кстати, и кино я совсем не забросил. Нет прежней интенсивности в работе — это правда, но я продолжаю сниматься по мере возможности. Может быть, слышали, что за прошлый год в России было снято всего около сорока картин вместо четырех сотен, как было лет десять назад? Так что нет моей вины в том, что сегодня играю меньше, чем вчера. Главное, что играю. Только что на "Ленфильме" закончил работу в новой ленте замечательного режиссера Юлия Карасика. Окончательного названия у картины пока нет. Вероятно, утвердят один из двух вариантов — "Трое" или "Любовь конца XX века". К Карасику у меня особое отношение, он, по сути, стал моим крестным отцом в кино, дав роль Родьки в картине "Человек, которого я люблю". Это было тридцать лет назад...

— Еще я занят в совместной российско-туркменской ленте "Землетрясение". Режиссер Мурат Алиев делает фильм об известной ашхабадской трагедии, унесшей много человеческих жизней. К слову, и мою на съемках чуть не унесло.

— Каким образом?

— По сценарию я должен погибнуть во время землетрясения. Должен, значит, должен. Однако мне стало не до кино, когда во время очередного дубля мне на голову свалилась натуральная железная балка, а потом я ладонью налетел на торчащий ржавый железный гвоздь... Выбрался из завала и спрашиваю: "Елки — ваши палки, что за дела?" Извините, говорят, чуток не рассчитали, все должно было рядом упасть...

— Услугами каскадеров не пользуетесь?

— К сожалению, в моей актерской практике не было столь сложных ролей, чтобы к услугам профессиональных постановщиков трюков прибегать. То, что от меня требовалось, я был в состоянии исполнить самостоятельно.

— Но это так, лирическое отступление. Кстати, в производстве картины "Землетрясение" принимает участие наша Гильдия актеров. Деньги, вырванные от проката ленты, мы рассчитываем израсходовать на социальную поддержку ветеранов кино, которые сегодня особенно остро нуждаются в помощи. Так что, как видите, профессиональное в моей работе реально переплетается с общественным.

— Другое дело, что даже при недостатке киноматериала я не готов хвататься за первую попавшуюся работу. Недавно мне предложили роль в многосерийном телесериале. Вроде отказываться глупо: "засветка" на телеэкране работает на имя, не дает зрителям забыть тебя, да и деньги неплохие обещали заплатить, но... Прочитал сценарий — ноль эмоций. Стоит ли время терять? Можно ведь найти более достойное занятие.

— Есть еще одна причина, из-за которой я сейчас практически не работаю и как кинорежиссер. К примеру, полтора года назад мог записаться с двухсерийным детективом. И сценарий достойный, и средства на картину отпущены, однако я ведь жизнью тертый, знаю, что нормально себя все от начала до конца не удержу, обязательно что-нибудь помешает. Значит, придется оставлять все прочие дела, бегать по кабинетам, выколачивать деньги... На своем опыте убеждаюсь: нельзя заниматься режиссурой и отвлекаться на посторонние вещи. Целиком же сконцентрироваться на картине — это выпадает из процесса на год, а то и на полтора. Я себе такой роскоши позволить не могу. Я же еще помаленьку продюсирую — организую концерты, встречи звезд кино со зрителями, занимаюсь покупкой, продажей, прокатом чужих картин, словом, всем тем, что может принести деньги, необходимые для кинопроизводства.

— Классика: хочешь жить, умей вертеться.

— Безусловно. Хотя, будучи натурой творческой, я готов делать лишь то, что мне интересно. Не могу и никогда не буду торговать колготками или средствами от потливости.

— Я давно пребываю в рыночных отношениях с окружающим миром — с того момента, как ушел из театра Маяковского. Полтора десятка лет — достаточный срок, чтобы адаптироваться. После театра я даже не спешил идти в штат студии имени Горького, мне не нужен был поплавок в виде зарплат, я верил в свои силы, в то, что смогу прокормить себя и семью, снимаясь в кино. Как видите, выжил.

— Но в штат киностудии все же попали?

— Спусти время. И только в качестве



АНДРЕЙ ВАНДЕНКО

# ТОТ САМЫЙ ЕВГЕНИЙ ГЕРАСИМОВ

режиссера, а не актера. Режиссерская профессия все-таки предполагает большую свободу, независимость, а это именно то, к чему я всегда стремился. Конечно, так жить труднее, но ради свободы я готов, как вы выразились, вертеться. Хотя, пожалуй, правильнее сказать не "вертеться", а самореализовываться. Скажем, сегодня у меня вдруг возникла мысль о возвращении в театр, но уже не только актером, но и как режиссер. Может быть, я осуществляю эту задумку.

— В восьмидесятом году уход от Андрея Гончарова был вынужденным шагом?



— В "Маяковку" я попал после театрального училища имени Щукина. Меня ввели во многие спектакли — жаловаться грех. Но параллельно я активно играл в кино, а Андрей Александрович этого не любит. Я почувствовал, что главнее специально создается условия, когда я вынужден отказываться от съемок.

— В ту пору мой обычный рабочий день выглядел так. В восемь утра я был уже на студии имени Горького. Тогда я много занимался дублированием картин (к слову, я очень горжусь работой над картиной Дзеффирелли "Ромео и Джульетта", в которой главный герой говорит моим голосом). К одиннадцати утра я мчался в театр на репетицию, после этого бежал на радио, где под руководством Алексея Владимировича Баталова играл в радиопостановках классических спектаклей — "Поединок", "Герой нашего времени", "Казак". Потом — телевидение: сотрудничество с "Кинопанорамой", съемки в сериале "Подросток" по Достоевскому. Вечером мне ждала театральная сцена. Если в этот цикл вклинивалась еще и киноработа, то даже моя высокая самоорганизация не выручала...

— Словом, возникла дилемма: театр или кино. Я предпочел второе, что, впрочем, не мешает мне с теплом вспоминать о времени, проведенном в "Маяковке", с уважением относиться к Андрею Гончарову.

— И все-таки главным в своей жизни я считаю кино. Хвастовство — не моя черта, но как не напомнить, что в пятидесяти кар-

тинах я сыграл главные роли, второстепенные и эпизодические — не в счет.

— "Огарева" и "Петровка" — самые памятные работы?

— У зрителей — да. Честно говоря, я не ждал такой реакции. Очевидно, популярность этих картин обусловлена тем, что, во-

снули сунуться и в режиссуру, хотя на верняка понимали, что параллели с Сергеем Герасимовым неизбежны.

— Я так давно заявил себя как самостоятельную творческую единицу, что не комплексовал из-за того, что кто-то станет сравнивать меня с Сергеем Аполлинарьевичем. Более того, раньше многие считали, а некоторые, наверное, и сегодня верят, что мы не однофамильцы, а родственники. Я никого специально не разубеждал: хочется людям верить, пусть верят. Наверное, иным трудно представить, что удачной карьерой я обязан исключительно себе, а не мифическому благу.

— Что касается самого Сергея Аполлинарьевича, то он прекрасно меня принял, когда я впервые пришел на студию имени Горького. Я волновался, ожидая реакции классика. Все прошло прекрасно, за картину "Очень важная персона", которую я делал как режиссер, мне были вручены самые разнообразные призы, награды, словом, фамилию я не опозорил. Сергей Аполлинарьевич оценил и мои способности организатора, так как я уже тогда занимался тем, что сегодня входит в обязанности продюсера — я был одновременно и режиссером, и директором, и прокатчиком...

— Кстати, не только Сергей Герасимов отмечал это мое качество. Помню, как мэтр Станислав Ростоцкий доверил мне, по сути, мальчишке, руководство своим художественным объединением на то время, пока сам был занят на съемке. По-моему, я не ударил лицом в грязь.

— Вы сказали, что снимались у Карасика еще тридцать лет назад. Получается, вы в кино чуть ли не с пионерского возраста?

— Именно так. Мне сейчас сорок пять.

— В комплиментах нуждаетесь? Могу ответить: хорошо сохранились.

— Ага, это особенно актуально звучит после вчерашнего... Ко мне приехал одноклассник из Киева, давно не виделись, по такому случаю погуляла на совесть. Так что ваши слова действительно можно воспринимать только как "отвешенный" комплимент... А если серьезно, то я стараюсь сле-

дить за своей физической формой, с детства много занимался спортом, имел даже первый взрослый разряд по нескольким видам. Уже в зрелом возрасте увлекся каратэ, добился определенных результатов. Профессионалом не стал, но кое-что умею.

— Как артист я определил для себя, что буду работать без дублеров, если придется сидеть за рулем и скакать на лошади. Поэтому постарался хорошо освоить езду — верховую и на авто. По-моему, желаемого достиг. Во всяком случае, без бахвальства могу сказать, что в личных поездках с чемпионом Советского Союза по автогонкам Сергеем Успенским мне пару раз удавалось приходить к финишу первым. Надеюсь, Сергей не сочтет, что я подрываю его авторитет профессионала. Впрочем, я тоже тренировался профессионально — с водителями-испытателями "Москвичей" с автозавода Ленинского комсомола.

— И где же вы сегодня гоняете?

— Это наши домашние, неофициальные заезды... Иногда, правда, устраиваем спринтерские заезды и на трассе.

— В таких случаях инспектор ГАИ, наверное, выступает в роли рефери?

— Стараемся выбирать пустынные участки дороги, чтобы автоинспекцию не беспокоить.

— В популярных в Москве гонках на выживание по автодороге участие принимаете?

— Давно собираюсь, но никак не удается, хотя желание огромное. Мечтаю даже самостоятельно организовать нечто вроде авторода. Когда-нибудь обязательно реализуется идея. Движение для меня — это жизнь.

— У Гонщика, вероятно, и машина должна быть соответствующая?

— Вы же знаете историю о сапожнике, который всегда ходил без сапог... Гоняю на том, что подвернется под руку. Сейчас еду на заурядной "Волге" тридцать первой модели. И этот автомобиль отремонтирован как следует, но мотор гложет по десять раз на день — нет времени до станции техобслуживания добираться.

— Но вы не подумайте: я не всегда на "Волге" катаюсь. Была у меня BMW пятой модели... Сперли. Была новенькая "Волга"... Тоже угнали.

— С концами?

— Спрашиваете! Профессионалы работали.

ленькие дети — маленькие заботы, большие дети — большие заботы...

— Супруга не работает?

— Когда-то была редактором в журнале "Современная драматургия". Работает и сейчас. На меня. Жена по профессии филолог, и, когда мне приходится что-то писать, она все делает за меня. У меня нет ни времени, ни желания. Честно скажу, сценарий "Ричарда Львиное Сердце", "Рыцаря Кензата" и "Земли обетованной" написала жена. Конечно, с моей помощью и подсказкой. Как же без этого?

— У меня самая лучшая супруга — умница, красавица. И детей очень любит. Иногда я даже ревную, мне кажется, что из-за них у жены на меня времени не хватает. Справедливости ради надо сказать, что дети у нас замечательные — умные, красивые, талантливые, воспитанные, образованные.

— Вы знаете родителей, которые говорят о своих чадах иначе?

— Дочь учится в инязе. А в гороскопе сына написано, что он обязательно станет президентом.

— Это кто же вам с таким предсказанием подсудрил?

— В нескольких гороскопах сказано, что Володо такая судьба ждет. Имейте в виду.

— Учтем. А пока сын не вырос, за кого вы сами голосовать намерены? На ближайших выборах?

— Не сомневайтесь, я в выборе не ошибусь. Буду голосовать за будущее своих и чужих детей.

— Дочке советы давать станете? Насколько я понимаю, она впервые примет участие в голосовании.

— Ольга достаточно рассудительный человек, чтобы самостоятельно во всем разобраться и не сделать глупости.

— Признаться, применительно к дочери меня сейчас больше волнует не то, как она шестнадцатого июня голосовать станет, а другое... Сами понимаете, восемнадцать лет — это не шутки. Конечно, у нас с Олей прекрасные, доверительные отношения, но... Вспомните себя в этом возрасте.

— Бойтесь, что дедушкой скоро стать придется?

— Не боюсь. Все мое время. Может, новое призвание в себе открою? Вдруг мой истинный талант — внуков нянчить?

